

КАТЯ
МЕТЕЛИЦА

УЕЗДНЫЙ

М.

Катя Метелица

Уездный город М.

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9453326

Уездный город М./ Метелица Катя : Этерна; Москва; 2008

ISBN 978-5-480-00171-6

Аннотация

В своей новой книге известная московская журналистка и писательница Катя Метелица представляет нравы и обычаи жителей города, а еще новое краеведение и московские народные сказки! И, как всегда, авторские рисунки.!

Содержание

Агорамания и агорафобия	4
Банкомат и ворона	8
Белый шум	11
Бизнес-гуру	15
Взгляд иностранца	19
Видеоигры	23
Вид из окна	27
«Все очень хорошо»	30
Гарнир	34
Город-герой	38
Город-порт	42
Горячая вода	46
Грязь	49
Дача	53
Домашние животные	58
Досуг	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Катя Метелица

Уездный город М.

Агорамания и агорафобия (Магия букв)

На одном пяточке московской улицы Покровка сошлись: Сити-пицца, Ситибанк и обувь «Сити». Пристрастие к косвенному утверждению себя как деловой столицы – такое же трогательное, как именование подмосковной летней дачки фазендой или ранчо. Или как список кодовых слов на магазине молодежной одежды: «Круто, фифа, чел, приколы, кент, мачо, приход, стильно, фрик, борд, съём, экстрим»... Половина слов устарела задолго до рождения этих самых подростков.

Мой город похож на старую квартиру «с историей», где живут безалаберные и не слишком аккуратные люди. Иногда они берут много денег в долг (если повезет, то без отдачи) и тогда затеют локальный евроремонт – с монолитом и стеклопакетом. Ухнут все средства на какой-нибудь особо нарядный бордюр, не достроят и оставят осыпаться – в надежде на энтузиазм щедрого арендатора. А закутки, какие-нибудь бабушкины серванты десятилетиями пылятся в неприкосно-

венности. Вещи и вещицы прибывают, но не убывают, наслаиваются друг на друга, живут в диком, но внутренне обособленном беспорядке-порядке. Вот эта мишура – она осталась с Нового года, не выбрасывать же. А эти игрушечные стульчики – их подарили коллеги из бухгалтерии. Стульчики красуются в витрине магазина, торгующего бельем и купальниками. Они там не очень уместны, но милые, правда? А котенок из мохера и вовсе прелесть. Что, не прелесть? Ну, все равно – дорог как память. А странная статуя без головы, без ног, цвета «бронзянка» – это очень нужная вещь! Она подпирает угол, который норовит осыпаться.

В лесу мы ходим среди высоких деревьев, но смотрим вниз – ищем ягоды и грибы. Может, мы и не сорвем эти ягоды, и в рот не возьмем эти грибы, но их искали наши прапредки, нам же передалась привычка. В городе мы ходим среди высоких домов, объектов архитектуры, но глаза обшаривают вывески и объявления, рекламные стенды и витрины, фиксируются на мелкой визуальной дряблезге. Намалеванные невесты когда указатели: «Бомбоубежище», «Лампадное масло здесь» – со стрелками. «Русич-центр банк» – витиеватая славянская вязь на экране банкомата. Может, когда просишь у него деньги, надо креститься? Или творить молитву Дажь-богу? Композиция из пластмассовых початков кукурузы, фальшивых поленьев, настоящих дров и пластмассовый поросенок на вертеле – витрина заведения под названием «Корчма»: пицца и шаурма, ресторан грузин-

ской и русской кухни. Почему не украинской? А почему тогда – «Корчма»? На двери бумажка: «Приглашаются на работу официанты, повара, кондитеры». У них что, вообще никого нет? Рядом итальянскому кафе «срочно требуется повар без опыта работы». Интересно, у них все повара без опыта?

«Скоро: открытие магазина травматического оружия!» А что, бывает оружие нетравматическое? Тату-салон «Якудза», стрелка ведет в темную, пахучую подворотню. Да уж, «Якудза». Так оттатуируют, что мало не покажется. А рядом блеск, гламур, электрические гирлянды. Краса и гордость улицы Покровка – меховой салон «Баркарола». Мужская одежда «Калигула»! Чуть дальше магазин «Шахиня» привлекает обещанием скидок до 90 % и барбиобразным манекеном в розовой маечке «I love VIP»... Пуше конфекционного и галантерейного шика только шик парикмахерский. «Лечебные ритуалы, мерцающие блики, скандинавский поинт». Немного похоже на название породы собак, вроде какого-нибудь шотландского пинчера, но все же заманчиво. «Растяжка цвета, прививки красоты, лифтинг С». Обожаю эти добавленные букочки, они такие элегантные и при этом весомые. Не просто лифтинг (что бы это ни значило), а лифтинг С (что, несомненно, еще лучше). Только однажды я видела, как тонкая идея брендообразования с помощью добавленной букочки подверглась издевательствам – на вывеске, которая выглядела так: «ИмидЖ М». Где-то в районе «Сокола». Грубо, правда? Как будто пятнадцать лет назад, на за-

ре кооперации. Нет, у нас на Покровке такого себе не позволяют. Салон красоты, где делают лифтинг С, растяжку цвета и скандинавский поинт, знаете, как называется? Он называется «Виртуаль»!

Я очень люблю этот «Виртуаль». Что за имя! Здесь тебе все: и вуали, и этуали, и отсылки к наиновейшим технологиям. Не вывеска, а мощное заклинание (подкрепленное еще дополнительными магическими средствами вроде мерцающих бликов и лечебных ритуалов). Я долго думала, что «Виртуаль» – мой самый любимый шедевр покровской топонимики. Оказалось – есть еще лучше.

Представьте себе: стена. В стене – железная дверь. В железной двери – прорезь. Рядом аккуратная табличка: «Служба “одного окна”». Оформление договоров на абонирование водосточной сети». Дверь всегда закрыта. Глухая – ни звонка, ни даже, кажется, ручки. Ни, собственно, окна. Или прорезь в двери и есть то самое Одно Окно?

Эта железная дверь с прорезью и притягивает, и пугает. Учреждение, вывесившее такую табличку, не может не быть мощной религиозной организацией. Служба Одного Окна. Это почти так же мощно, как великая и ужасная

Дирекция

Единого

Заказчика.

Банкомат и ворона (Опасности)

Кто-то поперхнулся соленым пончиком и чуть не умер, а к кому-то на улице подошла сумасшедшая женщина и неожиданно укусила в лоб. Такие дикие происшествия люди запоминают обычно на всю жизнь. И даже немного ими гордятся.

– Ладно, – говорит мой муж. – Расскажу вам что-то интересное. Я сегодня шел по Красной площади, и меня клюнула ворона.

Дальше можно не рассказывать – всем уже смешно, особенно детям. Ворона клюнула в башку – смешнее этого только когда кто-то упадет. Или скатится по лестнице – бум-бум-бум.

Одна я не смеюсь. У меня период черной меланхолии, все плохо. Жарко, тревожно, в доме лопнула труба. Мою подружку Алёну сбила на переходе машина – а она шла на зелёный свет, вот так. И эта машина даже не притормозила, вот так вот. Ну, Алёна, можно сказать, легко отделалась – только колено ушибла и очень-очень испугалась. И ещё она передумала брать кредит и покупать квартиру в Москве: поеду, говорит, лучше в Австралию, буду жить на ферме и ухаживать за какими-нибудь животными, если мне доверят. В Австралии человеческая скученность меньше и люди добрее, потомки

каторжников. Ну вот, а другой моей подруге, тоже Алене, один человек сказал, что у нее ноги, как у футболиста Лоськова, – в смысле все побитые, поцарапанные и покусанные комарами. И ей сначала было смешно (потому что вообще-то у нее красивые ноги, длинные такие), а теперь почему-то стало ужасно обидно. Тем более она ознакомилась с фотографиями футболиста Лоськова и узнала, что у него прозвище – Дерево. Конечно, если бы сказали «как у Бекхэма», ей бы тоже не польстило, но тут уж... Почему в кино и в журналах все ноги такие холеные, а у нее, как у потерпевшей? И у меня тоже безобразный синяк на ноге – откуда, спрашивается? Должна же быть какая-то причина. Вот, например: на моего мужа набросилась ворона. Это дико, но объяснимо: у нее рядом было гнездо, и она защищала своих воронят, понятное дело.

Но он говорит: нет. Не было там никакого гнезда, вокруг на много метров пустое пространство. С одной стороны ГУМ, с другой – мавзолей, под ногами брусчатка, сверху небо. «Я знаю, – говорит, – эта ворона с похорон Сталина сидела на Спасской башне и ждала, когда я мимо пойду. Увидела, прицелилась и рванула. Она явно против меня лично что-то имела. Я стал отмахиваться от нее рюкзаком, а она норовила еще подлететь и еще клюнуть. Как в фильме “Птицы”. Главное, народу вокруг совсем не было. Только несколько бездомных собак – они, мне кажется, были за меня, гавкали на нее. И один мент – он ничего не делал, зло-

радствовал. Я прямо чувствовал, как он думает: так и надо, мол, этому... иностранцу».

На Красной площади, с рюкзаком – действительно как иностранец. Свои там не ходят. Можно считать, что ворона защищала территорию, которая исторически принадлежит туристам и воронам; их там раньше вообще тучи были, я даже у Теофиля Готье читала про «вороний закат» над Кремлем. Но что вы скажете про пуделя, который сорок минут нарезал круги по детской площадке, а потом подпрыгнул и совершенно молча куснул меня в ляжку, – это за что? Допустим, укус уже давно зажил – но обида-то жива. Или вот: на молодого ученого Наташу Л. упал банкомат. Самое ужасное, что это звучит дико смешно – даже смешнее, чем «клюнула ворона», или даже чем «был укушен орлом». Сразу представляешь, что (маленькая, тихая, интеллигентнейшая Наташа Л.) как сумасшедшая трясет банкомат: «Дай денег, а ну дай денег!» Но все не так: она просто шла мимо. А какой-то мужик в комбинезоне в это время что-то такое делал с банкоматом, не рассчитал движения, банкомат начал заваливаться. Мужик отскочил, а Наташа не успела... Я поняла: просто проходить мимо – вот что в этой жизни самое опасное.

– запела сигнализация чьего-то синего «опеля»... Мне надоедает слушать чужие звуки, я ставлю диск с песнями из «Жизнь как чудо». Бумбокс стоит на подоконнике, под открытой форточкой. Теперь мои соседи тоже знают, что я люблю Кустурицу.

А они любят Юрия Антонова – я это тоже очень хорошо знаю.

А еще у них ремонт, двери меняют. Это я знаю еще лучше. И еще – у них собачка очень гавкающая.

Когда я дома долго одна, я иногда вдруг чувствую, что в голове у меня копошится слишком много мыслей. Тогда я включаю телевизор – он тарыхтит и создает какой-то привычный фон из звуков. Я на них не фиксируюсь. Когда приходит кто-то из домашних, они первым делом переключают телевизор на другую программу, или выключают его, или ставят какой-то свой фильм. Иногда они ссорятся из-за этого, потому что не хотят смотреть «чужой» телевизор. Мне все равно.

Но я все-таки замечаю, что «чужой» телевизор всегда хочется сделать потише. Я знаю дома, в которых стоит по телевизору в каждой комнате, как в гостинице. Казалось бы, это признак какой-то последней разобщенности – но нет, живут вполне мирно, даже душа в душу. Даже иногда дружнее, чем в домах, где телевизор по старинке считается неким заместителем условного камина, средоточием общего семейного досуга вокруг домашнего очага... Что-то такое говорил почтальон Печкин.

Еще – чужие разговоры, и телефонные, и прочие. Мы их редко запоминаем, потому что они, как правило, не слишком интересные. Но иногда, бывает, какие-то фрагменты впииваются в мозг так, что их потом оттуда не выдернешь.

«Да я сейчас пешком иду, да. Везде теперь пешком хожу, вот. А потому что у меня машина сгорела, голубка моя! На Волоколамке – взяла и сгорела!» – худой седоватый мужик со странной, какой-то пляшущей походкой то обгонял меня на Тверской, то отставал и опять обгонял, и, видимо, все время разным своим собеседникам кричал, что голубка его сгорела! на Волоколамке! У него был телефон без трубки, он держал руки в карманах и кричал в микрофончик, и от этого казался сумасшедшим, который беседует сам с собой. (Все-таки к этим беструбочным телефонам невозможно привыкнуть. Хотя, казалось бы, какая разница – трубка или наушник-плюс-микрофончик. Но традиционная трубка, поднесенная к уху, хоть как-то оправдывает, очеловечивает эти мобильные переговоры на ходу.)

А недавно я утром целый час ждала подругу в пустом кафе и весь этот час слушала, как красивая кудрявая девушка за соседним столиком дает подробный отчет своему брату о том, как у нее продвигается развод с мужем. Брат, судя по всему, находился в Америке, а муж был, естественно, подлец, он как-то нечестно хотел разделить с ней квартиру, в которую она «столько вложила, столько вложила!», и в кафе, кроме нас с ней, никого не было, и мы с официантка-

ми очень скоро стали переглядываться и чувствовали себя участниками какого-то ток-шоу, какие бывают днем по телевизору. Мне казалось, что одна из официанток, блондиночка с круглым лицом, с трудом сдерживается, чтобы не подключиться и не высказать какое-то свое мнение, например: «Я согласна с героиней программы! Все мужчины – подлецы!» Кудрявая девушка была в совершенном аффекте и вещала на предельной громкости. Это часто бывает: человеку, когда он поглощен телефонным разговором, кажется, что он находится как бы в прозрачной, но звуконепроницаемой телефонной кабине или, там, капсуле.

В чужих машинах (я часто ловлю частников) я слышала самые немыслимые, самые интимные признания. Притом что я-то всегда молчу, не задаю никаких вопросов. Мне кажется, некоторые только для этого и берут пассажиров – чтобы выговориться. Довольно часто они не берут с меня денег, но учат жизни: «Вот вы одна так поздно едете – а что же муж? Пришел домой, а ему и ужин не накрыли? Нет, я считаю, главное для женщины – это семья...»

Многие люди не выносят этот белый шум; закрывают уши наушниками, слушают музыку в плеере или кассеты с уроками итальянского языка – что угодно, но по собственному выбору... Есть, говорят, проект сделать метро бесшумным. Боюсь, это будет сущий ад.

Бизнес-гуру

«— Вот самец павлина. Он распустил свой хвост. Хвост огромный, шикарный. Вопрос: что думает самка? Может быть, она думает так: “Вот представитель моего вида. Он самец. У него офигительный хвост. Дай-ка я с ним размножусь!” ... Ну и что?.. Вы полагаете, она действительно так думает?.. Ха. Как бы не так! Я расскажу вам, я знаю. Я читал Дарвина. На самом деле ее мысли такие: “Передо мной самец. Живой. Хвост у него большой. Тяжелый, наверное. Как он ходит-то с ним? С ума сойти. Парень даже повернуться толком не может. А если лиса? Я-то убегу, а этот... Странно, что он вообще до сих пор жив. Такой неуклюжий, с хвостищем... Да, но... но он выжил! Значит... Значит, у него очень хорошие гены!..” Вот так же и в бизнесе: бывают компании, про которые можно сказать, что они находятся в хорошей спортивной форме. А бывают компании, про которые можно сказать, что они сексуальны...»

Это я сижу на бизнес-семинаре. Справа от меня два дяди в светлых костюмах, без галстуков. Слева строгая девушка, немножко прыщавая. Неожиданно замечаю, что на каждом пальце у нее по обручальному колечку Десять штук.

Впереди – красивая загорелая шея. Сережка в правом ухе. Блондин. Когда объявят перерыв на кофе, надо бы взять у него небольшое интервью. Не дождавшись перерыва, хвата-

ется за телефон и полчаса бубнит про какие-то акты передачи. Очки для дальновзоркости, роется в бумажках. «Ну и черт с тобой, – думаю. – Наверное, не настоящий фанкстер. Так, прикинулся».

По идее, дамы и господа, которые заплатили по десять тысяч рэ и поэтому сидят сейчас в зале «Атриум» гостиницы «Балчуг», являются фанкстерами – адептами бизнеса в стиле фанк. Термин придумали шведы Й. Риддерстрале и К. Нордстрем. Funk – это от слов fun и punk, фан и панк. Такой веселенький ситчик, обхохочешься. Их книга «Бизнес в стиле фанк» – мировой бестселлер. Из магазина «Москва» все экземпляры, как оказалось, украли. Может, враги, а может, сами фанкстеры, какое-нибудь леворадикальное крыло – поди знай. Зато одного из соавторов пригласили провести этот самый семинар. Приглашающая сторона – Российская ассоциация маркетинга, исполнительный директор Андрей Калибердин.

– А почему вы выбрали именно Риддерстрале?

– А за внешность! – честно отвечает Калибердин.

Это очень по-фанкстерски.

Йонасу Риддерстрале 37 лет. Он рассказывает про самку павлина и носит с собой CD: Папа Римский Иоанн Павел II исполняет рэп. Профессор ЙР чисто бреет голову; он умеет как-то так управлять мышцами своего мягкого чухонского лица, что выглядит внушительно и даже графично; носит кожаный френч и огромный перстень с какой-то симво-

ликой. Фотографируется для обложек в позе лотоса. Да и к тому же с опрокинутым месяцем за затылком: такой вот весь дьявольски продвинутый, чисто поп-звезда. Не удивлюсь, если он брал уроки сценического движения. ЙР идеально умеет держать аудиторию и придумывает броские термины. Например, караоке-капитализм – то есть бизнес по отработанным схемам. Это может быть эффективно, но это, как я поняла, не круто. Вот фанк – это круто.

– Власть переходит от тех, кто следует правилам, к тем, кто нарушает и создает их. Успешные бизнес-модели строятся на временных монополиях. Вот хотя бы «лунная походка» Майкла Джексона: это была временная монополия. Хотите совершить прорыв в бизнесе, придумайте свою «лунную походку». Главное – привлекать творцов!

ЙР любит такие бизнес-понятия: инновация, уровень энергии компании, эмпатия, sex appeal.

– Скажите, – говорит он, – можете ли вы, вот вы, вы лично! Можете ли вы заставить ваших клиентов вытатуировать на плече логотип вашей компании? А? А вы?.. Нет? В самом деле? А у Harley-Davidson с этим нет проблем!..

Надо признать, идеи ЙР действуют весьма освежающе. Бодрят и вдохновляют. Как все профессиональные лекторы, он, конечно, «наговаривает пластинки», но выполняет это талантливо.

– Как будто с утра сходила в театр! – призналась во время кофе-брейка дама из «Ингосстраха» (голубенькая косы-

ночка типа Hermes, коричневые туфли типа Salamander). На обед с бизнес- гуру (тридцать тысяч рэ, включая НДС) никто, кажется, не разорился. Но вообще-то зал был полон, аншлаг. «Россия, – сказал мне ЙР, – очень фанкстерская страна».

Лично я замечаю, как конкретно Москва потихоньку становится очень менеджерским городом. Раньше я дружила главным образом с подонками. Теперь половина подонков заделались менеджерами. Иногда кажется, я сама того и гляди стану кем-то вроде менеджера. Я уже была на двух конференциях по брендингу и на трех семинарах по маркетингу. И на лидерских курсах, которые вела красивая толстая американка Лиса. То есть я лидер. Неважно чего: лидер и все. А теперь – вообще фактически гуру. ЙР подписал всем слушателям дипломы, очень красивые: «Такая-то является гуру». Дипломы, правда, действительны только в функу-сообществе (это сообщество, как я понимаю, придумка пиарщиков), но все равно приятно. Главное, повторять себе почаще: «Я гуру. Гуру я. Гу-ру. Гуру, и все тут».

Записал же один мой друг на мини-диск специальную мантру: «Я топ-менеджер. Топ-топ- топ-менеджер. Не подонок. Запомни, Слава, ты не подонок. Ты продюсер, ты топ-менеджер...» Очень, говорит, помогает. Особенно по пятницам и понедельникам.

Взгляд иностранца

Я недавно была в Берлине, в первый раз. Берлин мне очень не понравился, особенно место под названием Александер-платц, которое живо напомнило пространство перед станцией метро «Щелковская», каким я его застала в последний раз (лет десять назад). Очень понравились, впрочем, два кролика, мирно жившие своей кроличьей жизнью в парке в самом центре города. Возможно, это был тот самый знаменитый парк Тиргартен, а может, и нет. За полдня (всего-то) у меня все как-то перепуталось. А самое печальное: я поняла, что в Москве-то живу, оказывается, с трудом. Потому что ни один город так не похож энергетически на Москву, как именно Берлин.

Берлин – очень большой. Просто нереально. Как Москва. А Москва-то какая большая!

Я как-то ехала с одной немецко-американской девушкой в гости – с «Маяковской» на «Красногвардейскую». Когда доехали наконец и уже шли от такси к подъезду, она спросила: «Скажи, отсюда дорого звонить в Москву?» Не могла поверить, что мы еще не выехали за окружную. Но только вот какое есть обстоятельство: при равной площади двух городов народу в Москве живет многим-многом больше. В Берлине население всего два миллиона – соответственно, кислороду во всех смыслах больше раз в пять или шесть.

Пробок на дорогах фактически нет. В метро свободно. Кролики, говорю же, – фактически непуганые. Маленькие совсем дети по улицам ходят одни – значит, родители не боятся их отпускать...

Я поняла такую вещь: чтобы почувствовать город, надо обязательно посмотреть на него глазами иностранца, гостя. Тогда штампы (вроде «Москва – большая деревня» или из новейших: «В Москве можно только зарабатывать деньги, а жить здесь невозможно») отступают, проявляются нюансы.

Например, еще Вальтер Беньямин писал в одна тысяча девятьсот бог знает каком году: в Москве на удивление узкие тротуары. Даже в самом центре, на главных улицах. В этом он заметил верный признак того, что Москва не приспособлена для роли европейского столичного города, что для этого у нее слишком как бы «узкие плечи».

Это удивительно справедливо. Причем до сих пор. Тротуары мало что узкие и колдобистые, они еще и заставлены машинами до такой степени, что проходим вообще невозможно пройти. При этом парковка на тротуаре даже не считается нарушением: алчные автоинспекторы, готовые в принципе штрафовать водителей за что угодно, к парковке на тротуаре не придираются. Иногда только дают гражданам добрый совет протыкать у таких машин шины. Возможно, это и есть зарождающееся городское самоуправление.

Или вот: журнал «Афиша» опрашивал иностранцев, долго работающих в Москве. Были и предсказуемые отзывы («Лю-

ди здесь удивительно много читают толстые книги»), и совсем удивительные («Воздух в городе чистый, как в горах»). Хотя ведь действительно стал чище... Но больше всего мне понравилось такое наблюдение: во всех московских ресторанах и кафе все блюда посыпают нарезанным укропом, все – даже блюда иностранной кухни, где укроп совершенно не употребляется. И ведь правда посыпают.

А в московских ресторанах, специализирующихся на японской кухне (абсурдно многочисленных), едва ли не все блюда норовят посыпать зеленым луком.

Обслуживание в общепите, между прочим, на удивление хорошее (по сравнению, например, с Амстердамом), люди по-настоящему стараются. Хотя в их старании есть что-то не вполне естественное, некий ущерб. На самом деле вот: люди, которые работают у нас официантами и барменами, сами обычно в рестораны и бары никогда не ходят и не ходили.

За последние годы огромная часть москвичей необыкновенно ловко переняла образ жизни европейского среднего класса, особенно в том, что касается бытовой техники, пластиковых карт, средств связи, фитнеса и проч.

Но почти у всех в холодильниках зачем-то хранится солидный запас всяких лекарств.

В Москве уже давно не редкость наличие двух автомобилей на семью. Однако средний уровень качества этих машин и особенно бензина, которым их заправляют, довольно угнетающий. Но к любой, даже несущественной вмятине, порче

«жестянки» или даже бампера относятся дико трепетно.

Мыть машину многие владельцы считают плохой приметой: могут угнать, или что-нибудь снять, или просто разбить стекло, как-то попортить.

Большинство лестниц в московских подъездах производят такое впечатление, словно их не мыли вообще никогда. Тем более – окна в подъездах.

Даже в Италии нет такого количества девушек, наперекор всему ходящих на шпильках, и дам в норковых шубах – зачастую, впрочем, весьма неновых, плохо выделанных и неважно пошитых. Шуба – это имущество, зимний домик, а зимы у нас, как известно, длинные.

Если по улице идет мальчик-подросток, а навстречу ему привлекательная девушка, он, поравнявшись с ней – с большой вероятностью, – смачно сплюнет на тротуар.

Вообще плевать на улице совершенно не считается зазорным, как и бросать окурки.

А вот домашний мусор люди стали наконец выбрасывать в целлофановых пакетах.

Но покупать специальные пакеты для мусора все еще считается «выпендреем»... Надо будет при случае продолжить.

Видеоигры (Эффект желудя)

Кто у нас кумир миллионов, супермегагерой едва начавшегося тысячелетия? Мультяшная Белка- которая-гонится-за-желудем. Из-за этого желудя и этой белки рушатся ледяные горы, смещаются материки, вымирают тысячи видов животных. Мелкие события тянут за собой огромные последствия, все в мире связано, все закрючено.

Ну, допустим вот: до войны в советских школах изучали преимущественно немецкий язык, позже – английский. Потому что английский – был язык потенциального стратегического противника, американских империалистов. Как это связано с динамикой цен на недвижимость в Белгравии и других районах города Лондона? Проследить несложно.

Лично я многолетнему изучению английского более всего благодарна за выражение *to find myself* – «обнаружить себя». Англичане бросаются им очень легко, как грамматической формой, но мне здесь чудится некая предварительная амнезия, дурман, прыжок через зону бессознательного. Шел, упал, потерял сознание, очнулся – гипс. Но это как бы экстремальный вариант. А обыденный – когда целый день размышлять о здоровом образе жизни, чтобы далеко за полночь *find myself* на кухне, задумчиво поглощающей холод-

ную картофелину, прямо в кожуре, макая в остатки выдохшейся горчицы. Как понять? Отчего, почему так? Какие причины и последствия могут быть у столь дикого и бессмысленного образа действий? Нет внятного ответа.

На самом деле я не о себе и не о картофелине с горчицей в полтретьего ночи (хотя и эта тема, как я знаю, болезненно затрагивает многих). О явлении *find myself*. Как это может получиться: чтобы вот взять и обнаружить себя делающей странные вещи в странной обстановке? И вдруг все вокруг такое вчерашнее, провинциальное, несвежее. А главное – в зеркале мелькает кто-то непонятный; и что тут делать? Наверное, правильный ответ: покопаться в себе. Покопаться, проанализировать, понять. Но только вот именно этого меньше всего хочется; и неприятно.

Интересней и безопасней порыться в том, что вокруг. Отчего мир таков, каков он есть; и что на самом деле ерунда и пустое переливание пустотелых слов из одной пустоты в другую пустоту, а что на самом деле и существенно, и червато. Какое насекомое из мириадом порхнет так ловко, чтобы закрутить смерч на другой стороне планеты? Какая белка, какой желудь?

Мне страшно нравится теория, что истинной причиной горбачевских реформ и, как следствие, краха всей социалистической системы и железного занавеса – был Интернет. Причем не непосредственно – до этого, в сущности, не успело дойти, – а на уровне как бы предчувствия, предви-

дения, анализа разведанных. Или вот: в модной американской книжке «Фрикономика» (Freakonomics) Стивена Д. Левита и Стивена Дж. Дабнера просто и доходчиво объясняется, как легализация аборт в 1973 году повлияла на резкое сокращение преступности в начале 90-х. У книжки подзаголовок: «Мнение экономиста-диссидента о неожиданных связях между событиями и явлениями». Очень полезная, в самом деле, книга; читаешь ее и понимаешь, что иногда достаточно просто сформулировать вопрос. Например: какова связь между миграционными процессами на территории бывшего СССР, религиозным и этническим составом населения и абсурдно низкой, что бы там ни говорили, государственной поддержкой рождаемости? И понимаешь, что в вопросе уже заложены все ответы.

Войдя во вкус, замахнешься на более глобальное. Например: что из окружающей нас обыденности окажет наибольшее влияние на Развитие Человека и Судьбу Человечества? И сама себе отвечаешь: видеоигры и стволовые клетки. На видеоиграх уже практически выросло поколение, которое привыкло к тому, что у особи бывает в среднем от трех до девяти жизней. Развитая интуиция, быстрота реакции, точность глаза и ловкость пальцев добавляют тебе еще жизней, так что терять их – не трагедия. Что это если не философия? Отвечу: если не философия, то религия. Видеоигры (а также, в несколько меньшей степени, компьютерные и даже малютка-геймбой) – чисто религиозная практика: «Веруешь ли ты

в воскресение мертвых?» – «Ве-ру-ю»... Можно, впрочем, согласиться и на философию, причем в древней и основной ее версии – поисках философского камня. То есть опять-таки – вечной жизни. И вечной молодости. Это я уже плавно перехожу к теме стволовых клеток.

Ну и, конечно, еще одна важнейшая философская задача – выращивание гомункулуса. Оплодотворение из пробирки само по себе не перевернуло бы мир, но овечка Долли – это действительно сравнимо только с открытиями Марии Кюри, Андрея Сахарова и других ребят, которые были нереально умными, но очень плохо понимали, что же все-таки происходит. И оказались все в той же ситуации: to find myself. На другом, конечно, уровне, чем я на своей кухне с картошкой и горчицей, но вряд ли от этого легче.

Вид из окна

«Иди домой! Домой, говорю, иди! Кому сказала я?» Она не пойдет, я знаю. «А ну домой! Ну, что – мяу? А вот кому я веником дам...»

Как же, даст она веником. Сама внизу, а эта красавица на крыше. У нее роман в разгаре. Хозяйка снизу этого не видит, а я вижу. Крыша как раз на уровне моих окон и близко – рукой подать.

– О, Катя, как хорошо у тебя! Как в Париже вид. Можно видеть людей у них в комнатах. Я без этого так в Москве скучаю.

У Аврориных родителей замок рядом с Парижем. Кто бы мог подумать, что для нее лучший вид – на «людей у них в комнатах».

Когда мы сюда только собрались переехать, жалюзи заказали – самые плотные, офисного типа. На все окна – на все тринадцать штук. И на ту сторону, где турагентство, и где церковь, и особенно на ту, где соседний дом. Пока все эти жалюзи не приладили, мы боялись вечером свет зажигать, ходили на ощупь: соседи напротив совершенно откровенно выстроились у своих окон, как в кино. Правда, интересно же, кто там переезжает в квартиру Татьяны Алексеевны. А недавно я тут думаю: когда мы эти самые жалюзи последний раз опускали? И не помню даже. Привыкли. Жалко, что ли,

пусть смотрят. Тем более что и мы...

Напротив живут: успешная актриса (черный «хаммер», стеклопакеты), бывший сантехник, а ныне сотрудник префектуры (черная «десятка», решетки на окнах), дворничиха с сыном и кошкой (герани и беленькие деревенские занавески). Остальные жители так явно не маркированы, хотя про них-то я знаю больше всего. Как они пьют чай, какие смотрят сериалы («Друзья» в записи, это я одобряю), как играют в шашки – проигравший лезет под стол и там, я думаю, кричит кукареку. Полная блондинка с длинной косой чистит зубы – изящно наклоняется над раковиной, так беззащитно, женственно. Окно ее ванной как раз напротив окна нашей кухни.

Могли бы протянуть через двор веревку и сушить белье. Веревки много не понадобилось бы, метра четыре, не больше. Но только в Москве так сушить белье не принято.

В Москве теперь так любят: вид из окон должен быть на две стороны, предпочтительно на юг и восток. А еще лучше – панорамный. Хорошо, когда видно какую-нибудь сталинскую высотку и ХХС, – почитать хоть риелторские объявления. А из нашего окна в смысле пафоса была видна только светящаяся красная надпись РОССИЯ на гостинице – да и то вдалеке; да и ту уже снесли.

Еще чем похвастаться? – ну, в квартире газ, в смысле колонка, и поэтому с горячей водой проблем никогда нет. Красивая вещь – фирмы «Юнкерс», как самолет. Труба у нее та-

кая, серебряная. И гудит, как самовар. А что там еще было? – сегодня кошка родила вчера котят – ну, это у нас постоянно. Котята выводятся на соседнем чердаке с завидной периодичностью, а я считаю, эти существа как раз идеально предназначены для того, чтобы любить их издали, на безопасном расстоянии и через стекло. Опять-таки, в каждом окне крест какой-нибудь церкви, всего – три.

Раньше мы жили на Тверской, и из наших окон было видно как раз высотку и «Пекин». И много неба, закаты. А теперь никогда не понятно, какая там на улице погода, и еще мне кажется, мы живем как где-нибудь в Тарусе или в Серпухове, хотя на самом деле наш переулок в двух шагах от Кремля. Мой муж, который любит все просторное и имперское, сначала все время ложился на пол, чтобы хоть так посмотреть на небо. Я ему сказала: а ты попробуй воспринимать наш вид не как городской пейзаж, а как натюрморт в раме. Сказала – и самой понравилось. Теперь надо, наверное, герани завести или... бинокль? Такой небольшой. Вуайеризм ни при чем: просто для расширения кругозора.

«Все очень хорошо»

Давайте я расскажу вам, как я живу. Я живу хорошо. Если честно, я так хорошо живу, что даже немного побаиваюсь в этом признаваться, как бы не сглазить. Мой муж очень красивый и добрый, он говорит: «Так и напиши – что я тебя десять лет люблю, как в первый день. Даже больше. Потому что раньше я был несчастный, а теперь счастливый – армейцы в прошлом сезоне выиграли буквально всё!» Ну, я рада. Правда, я очень хорошо живу. Просыпаюсь не по будильнику. Не тащусь в офис, как масса граждан, а иду, скажем, на йогу. Тибетский массаж, имбирный чай, вместо завтрака – десерт, не жизнь, а малина. Забираю младшенького из сада, и мы идем кататься на речном трамвае или в зоопарк. Иногда я заглядываю ему прямо в глазки и говорю: «Ты хоть понимаешь, что мы самые счастливые, живем как короли? Ты понимай!» А он говорит: «Я понимаю». Он правда понимает. Потому что он очень много смотрит телевизор. В основном, конечно, про Губку Боба, но и новости тоже – иногда. Так что у него есть некоторые представления о мироустройстве. Я очень хочу, чтобы он понимал: мы с ним живем, как королевич и королева.

Только не знаю, кого я больше уговариваю – может, себя. Недавно у меня был день рождения – я майская, родилась на позднюю Красную горку. Говорят: «кто в мае родился, тот

всю жизнь мается». Так и есть.

Давайте я расскажу вам, как у нас устроена весна, – мы, майские, в этом разбираемся лучше других. Ну вот, сначала идет март – но только идет он на самом деле никуда не идет. Просто сугробы, просто лежат, просто самая что ни на есть зимняя зима. Потом, уже в основном в апреле, все мучительно долго тает, и течет, и обнажается, и становится очень-очень грязно, а потом еще и очень-очень пыльно. И как-то очень тревожно. А потом уже – бах! – первая жара. Листья, одуванчики, свечи на каштанах, «черемуховые холода», в пригородах уже чуть ли не соловьи. Но у нас, у майских, как будто осколок льда в глазу, как у мальчика Кая.

Уже и пыль жуткая послезимняя кое-как прибилась, и окна по второму разу вымыты, даже газоны кое-где косят – но мы-то помним ту грязь, которая выползла из-под снега. Никуда она не делась, просто травой поросла. А водица в

Москва-реке? Вообще ад. В зоопарке половины зверей почему-то не видно, у очкового медведя такая унылость на морде, как будто сейчас зарыдает. «Может, он беременный?» – говорит мой мальчик. «Ну, может, он самка?» – уточняет. Мне кажется, никакой этот он не беременный, просто больной. А вон тот, который клубком свернулся, – может, вообще дохлый?

Мы, майские, всегда так – склонны подозревать худшее.

Крупная компания, которая торгует одеждой, прислала приглашение на открытие весеннего праздника-фестиваля, что-то они придумали в стиле 60-х, чуть ли не игру в субботник. Рядом с нами, на Чистых прудах. Прихожу: по периметру пруда стоят белые палатки с выпивкой, пахнет жареным, песни, пляски, веселый смех, персонажи из телевизора. А за палатками, вдоль ограды – цепь автоматчиков в камуфляже. Спинай к субботнику, лицом к городу. Мне кажется, это были не охранники, а именно армия, солдаты. Мелкие какие-то, юные, и личики у них несчастные. Мне показалось – просто голодные. Но у некоторых – откровенно злые, как будто очень хочется развернуться на сто восемьдесят и пальнуть. В общем, я тоже развернулась и пошла по бульвару назад, домой. Жаловаться мужу, какое все страшное, грубое, липкое, грязное, рабское, хамское, глупое, ложное... Но только он совершенно не захотел этого слушать. «Да брось, – сказал, – Катёк, это же смешно просто. Обыкновенная пошлость, вот и все. Тоже мне гуччи-фигуччи, цитадель, блин,

хорошего вкуса! Садись лучше, посмотри футбол со мной. Давай вискаря тебе в чай налью». А потом еще повернулся ко мне и сказал: «Мы Живем Очень Хорошо. Как король и королева, поняла? Ну, повтори».

Гарнир

Во вторник мы с Миленой были в марокканском ресторане. Как мы там оказались: у меня было совершенно свободных полтора часа, а ее работа в двух шагах от моего дома, и я подумала, что жалко ее – сидит в конторе, когда такое солнце, и вытащила ее погулять. А уж почему наша прогулка закончилась ровно через семь минут и в ресторане – это некоторая загадка.

Ну, там были хотя бы большие окна, правда, немые. Вид на Язу и симпатичную голубую церковь. Нас, впрочем, пытались запихнуть за столик в глубине, где никаких окон не было. «Вас будет двое?» Столы у окна были рассчитаны на четверых. Не то чтобы эти столы были заняты или зарезервированы. Если честно, там не было вообще ни одного посетителя, только один дяденька, но он уже расплачивался и нервно докладывал в свой телефон ситуацию с вагоном керамзита. Этот ресторан, видимо, только что открылся, раньше там было дамское кафе – все такое в оборочках и с претензией на особо здоровое питание. Они еще писали, в каком блюде сколько калорий и для какой оно подходит группы крови (честное слово). Это здорово отпугивало – неудивительно, что кафе в рюшечках прогорело. Поколебавшись, официантка в шелковом как бы африканском балахоне великодушно указала нам на стол у окна. Обычный икейский

стол был изобретательно обклеен керамической плиткой и в псевдovосточном духе окружен резными столбиками. К одному из столбиков прикручен динамик, марокканская музыка звучала громче всех разумных пределов. Мы попросили убавить звук. На лице официантки отразилась трудная внутренняя работа. «Одну минуту». Она провела экспресс-совещание с двумя охранниками и барменом. Вернулась: «Можно». Все столы, кроме нашего, по-прежнему стояли пустые. Заглянули несколько офисных девиц без пальто, но тут же отпрянули и пробежали мимо, к киоску с булками. Кто-то – видимо, бармен, а может, невидимый директор-распорядитель – действительно убавил звук. Официантка скромно и с достоинством улыбнулась – так улыбнулся бы ассистент Дэвида Копперфилда: *voilà!* Мы проявили черствость: вместо того, чтобы оценить ее магические способности, попросили сделать музыку еще потише.

На столе возникли два стакана-тюльпанчика, на дне по веточке мяты. «Марокканский чай!» Мы попытались заказать такой же, но без сахара. «Без сахара нельзя. В марокканский чай идет сахар. Но если вы хотите, можно положить поменьше», – и принесла чайник густого сиропа: чудеса кончились. Вообще надо было, конечно, как те девицы, просто купить по булке и посидеть с этими булками на скамейке, медитируя на первую травку. Заказали, в общем, бизнес-ланч, один на двоих. «А гарнир? К горячему идет рис или картошка фри. Что вы будете?» Мы сказали, что ничего не будем. Через полчаса

появились две площадки с салатами и суп. Еще через полчаса – наша официантка в сопровождении другой официантки. У первой лицо растерянное, у второй – решительное, даже агрессивное. «Ко второму ложится гарнир, это обязательно. Что желаете: рис или картошку фри?» «Пусть картошка», – испуганно сказала моя подруга, в то время как я, одновременно с ней, сказала: «Ладно, рис».

– Это еще ничего! – сказала Милена, когда официантки наконец отошли. – Когда моя дочка училась в частной школе, там по четвергам весь год на обед давали рыбу под майонезом. Дети ее никогда не ели, говорили: «Фу, опять эта рыба, какая гадость!» Родители на собрании пробовали что-то вякать, но директриса заявила: «Очень, очень вкусная рыба! Просто детям она почему-то не нравится».

А я не могу забыть, как пришла делать маникюр, и у маникюрши в кабинете (метр на метр) было включено «Радио-шансон». Я попросила выключить, а она сказала: «Ну, не знаю. Клиентам нравится!» Притом что, кроме меня, никаких «клиентов» там не было и в принципе быть не могло. В общем, пожаловались друг другу – как две жертвы мирового абсурда... Но только я теперь думаю: а может, это вовсе и не абсурд? Может, мы с ней просто не сумели вписаться в некую простроенную систему Идеального Мира? Где дети по четвергам с удовольствием едят на обед рыбу, запеченную в духовке с луком и майонезом, а «клиенты» доверчиво и с благодарностью предоставляют свои обломанные ногти

умелой манипуляторше, равно наслаждаясь теплой ванночкой и «Владимирским централом». А в марокканском кафе громко и зазывно гудит марокканская же музыка, за столик на двоих усаживаются два человека, а за столик на четверых – соответственно четверо. И в чай идет (и никуда уже из него не возвращается) сахар, а к горячему идет, опять-таки, гарнир – сваренный по-восточному рис или пожаренная во фритюрнице картошка. Нам принесли, кстати, картошку – на которую со страху согласилась моя подруга. Жирную, горячую, соленую картошку фри, как в «Макдоналдсе». И я ее всю, в легкой задумчивости, съела.

Город-герой

Кофе скоро польется у меня из ушей. Девятая большая чашка, кофеиновая интоксикация. В голове гул, на печени тоска, в глазах песок. Легла не поздно, в час. Встала в десять, заснула в полшестого, убила семерых. Комары у нас мелкие, черноватые, дико проворные и злые как собаки. Прокусывают даже сквозь одеяло и звенят со сверхъестественной пронзительностью. В июне у них пик активности, но вообще-то летают даже зимой, и антикомариные машинки не очень помогают, нужно хотя бы две штуки на комнату. Гнездятся, говорят, в подвале. Мой нежный муж говорит, что в нашей квартире из-за этого жить нельзя, и живет летом на даче – там комары вялые, несущественные. А я ничего. Всуну по комарилке в каждую розетку, обмотаюсь одеялом и живу.

Если совсем уж зверствуют, начинаю на них охоту: тут главное сначала замереть, приманить гада на голую руку или ногу, а потом бить резко и точно. Я не люблю комаров, но я их уважаю. В сущности, комары – мои спарринг-партнеры, они помогают мне закалять характер. Кто не любит комаров (помимо моего чувствительного мужа), это международные эксперты. В этом году Mercer Consulting определил Москве 201-е место (из 215 крупных городов мира) по уровню здоровья и санитарии. Рядом с нами Уагадугу (Буркина-Фасо), на две строчки выше – Киншаса (Конго). В Африке, на ци-

цивилизованный вкус, слишком много мух – у нас тоже. Хотя, по строгости, на цивилизованный вкус, одна муха – уже много, но одна – это все-таки особь, насекомое с забавными глазами-фасетками, а вот «мухи» – это уже показатель так-себе- качества жизни... Вы не знаете, куда пропали такие специальные карандаши, которыми надо мазать оконные рамы, чтобы мухи не летели внутрь, а вылетали только наружу? Прошлым летом они нас прямо спасали. Неужели все раскупили? В этом году я борюсь с мухами взглядом и словом. Тихо говорю мухам: «Кыш!» – и все. Не поверите, но помогает. Я не люблю мух и совсем их не уважаю, но я им отчасти благодарна. Они помогают мне воспитывать в себе, во-первых, волю, а во-вторых, терпимость. Раньше мою терпимость проверяли тараканы – и я с треском (с визгом, переходящим в истерический вой) проваливала проверку. Тараканы жили у нас в прежней квартире на Тверской, в так называемой цэковской четырнадцатietàжке. А тут, в дореволюционном доме на Хитровке, их нету, нету, нету! Впрочем, говорят, тараканы нас вообще покинули – они, оказывается, не выносят излучений мобильных телефонов. А мы – выносим. То есть хлюпики, конечно, мигрируют на дачу, но мы, настоящие москвичи, – мы все выносим: и мобильные излучения, и злокачественных подвальных комаров, и помочных мух. 201-е место, вы говорите? Вы говорите – позор? Конечно, позор. Но все равно – я люблю Москву.

Столица нашей Родины, город-герой Москва. Ключевое

слово (если вы вдруг не поняли) – «герой». Москва, любовь к Москве, верность этому городу требуют героизма. Если не героизма, то по меньшей мере хорошего мужества. 171-е (из тех же 215) место по качеству жизни, уступая столицам государств Зимбабве, Лаос и Никарагуа. Прочувствуйте это: Лаоса и Никарагуа. Жутчайшие показатели во всем, что касается безопасности граждан, уличной преступности, качества медицинских услуг, состава водопроводной воды, загрязненности воздуха и водоемов, состояния транспорта. 50-е (на этот раз из 50, то есть последнее) место по удобству ведения бизнеса – это утверждают исследователи MasterCard. На первых местах, естественно, Лондон, Нью-Йорк, Токио, на 49-м – город-герой Варшава. Но зато мы по-прежнему держим лидерство по стоимости жизни для иностранных топ-менеджеров; это вызывает некоторую гордость. Молочный коктейль за пять долларов, говорите вы? А за двадцать – не хотите ли? Да хотим, хотим, хотим! Бабушки в гастрономе жалуются, что десяток яиц за сорок рублей – это слишком, а в австрийской булочной на Патриарших буханки по триста рублей – и всегда очередь. Москва из э сити оф контрастс. Впрочем, по стоимости жизни для обычных горожан Москва, как утверждает The Economist, идет наравне с Нью-Йорком. То есть у нас фактически дешево. Особенно в азербайджанских кафе: неопрятно, конечно, но прямо-таки дико вкусно, и меню толщиной с каталог ИКЕА. Командировочные (т. н. иностранные топ-менеджеры) зубрят: kuikui –

шпинат с яйцом, mazoni – типа йогурт, duishbara – консьоме с крохотными вкуснейшими равиоли. От этого куча пользы, посмотрите на экспатов: взгляд живой, даже бегающий (где б чего сэкономить в свою пользу?), ребята всегда в тонусе.

И мы, те, которые не сбежали на дачу, тоже в отличном тонусе. И физическом, и, если можно так сказать, нравственном. Мухи? Мы скажем им «кыш». Неопишуемая помойка под окнами? Ну, когда-нибудь ее уберут. Крыса пробежала? Крыса – небольшой зверек, обладающий на редкость высоким интеллектом. Бомжи? Да это романтические бродяги. Пыльные «лексусы» поперек тротуара? Вдохнули, выдохнули, перешли на другую сторону. Метро? Лучшее в мире. Москва? Город-герой.

Город-порт

Москва, как известно, – порт пяти морей. Или даже семи. Разницы, увы, нет. Потому что горькая правда состоит в том, что моря в Москве нет вовсе.

Зимой об этом как-то не думаешь. Но летом – коротким, оглушительно жарким московским летом – эта недостаточность, обделенность великого города чувствуется необыкновенно остро.

Я не о купании говорю. Купаться-то и загорать в общем есть где: Серебряный Бор, Коломенское, пляж в Строгине, Воронцовский парк, Царицыно, Останкино, Борисовские пруды... Можно еще долго перечислять. Кроме того, в каждом районе имеется водоем, известный только местным жителям, – обычно безымянный или именуемый аборигенами как-нибудь типа «пруд у прачечной». На три летних месяца эти лужи становятся настоящими центрами жизни. Здесь гуляют с колясочками, загорают на прихваченных из дома покрывалах, устраивают трогательные в своем убожестве пикники, сидят с удочками, купают собак, а некоторые и сами рискуют влезть в мутные глинистые воды, приговаривая, что микроб от грязидохнет и зараза к заразе не пристаёт.

В моем детстве тоже был такой «пруд у прачечной». Мы предпочитали называть его озером. Улицы вокруг носили названия: Одесская, Перекопская, Керченская, Херсон-

ская, Симферопольский проспект, Севастопольский бульвар, Крымский вал... Это волновало, потому что казались синонимами слова «Крым» и «юг», «юг» и «море», «лето» и «Крым», «лето» и «юг», «лето» и «море»... «Море» и «отдых», «море» и «праздник».

Душным коротким московским летом всем мучительно хочется праздника. Это настоящее, упорное желание – как жажда. Жажда удовольствий, развлечений, приключений, всякого рода кайфа. Неслучайно так называемая индустрия развлечений так бурно расцвела в этом городе – практически ни на чем. Но, увы, сама по себе Москва никак не праздник, который всегда с тобой, нет. Москва слишком – во всех отношениях – тяжелый город. Даже скромная пирушка тут непременно оканчивается чумой. И будучи не силах утолить жажду праздника, Москва только раздражает желание, только разжигает этот зуд, эти танталовы муки.

Это особенно чувствуется на вечерней Тверской.

Вечерняя Тверская летом необыкновенно похожа на центральную улицу какого-нибудь курортного города, где люди по преимуществу заняты поиском удовольствий – одни; и торговлей удовольствиями – другие. Количество и качество ресторанов, казино, клубов и прочего не имеет большого значения. Главное – взгляды людей – ищущие, жадные, оценивающие. В них не праздное любопытство наблюдателя, в них – активный вопрос. «На что ты сгодишься? Что ты мне предложишь? Что мне с тебя взять?»

Все что-то жуют, пьют из бутылок и из банок, питаются из кульков и с бумажных тарелок. В толпе снуют пушеры; во дворах, освещенные фарами, выстроены на показ шеренги проституток. Девушки, которых сейчас так и хочется назвать портовыми, приезжают сюда на заработки из Краснодара, из Ставрополя. Они говорят нараспев, с фрикативным «г» – дополнительная черта «южности». Одеты во что-то офисно-провинциально-вечернее: душное, обтягивающее, черное, с высокими каблуками. Сутенеры, по контрасту, сплошь в шортах и в сандалиях на босу ногу, реже в спортивных костюмах. По-домашнему, по-дачному. Покурортному. Рядом с «Макдоналдсом» за небольшую плату можно покататься на верблюде – совсем как в Анталии, на Кипре или в Тунисе.

Улицы, подобные вечерней Тверской, в курортных городах именуются эспланадами. Они ведут к сердцу курорта – к большому променаду на набережной, к морю... Тверская, как известно, ведет к Кремлю. Но это – днем. Ночью же Кремль кажется призрачным, как огни больших кораблей. Он где-то далеко – там... А здесь – здесь, как и положено, идет гуляние. Эспланада – Тверская вливается в променад на Манежной площади, превращенной в крышу гигантского подземного пассажа. До двух часов ночи – душной летней ночи – толпы людей гуляют здесь, пьют пиво, жуют, обнимаются на скамейках, ищут прохлады у фонтанов и у речки Неглинки... Жалкая речка, служившая для стока нечистот,

выведенная из-под земли, полуискусственная, принаряженная бронзовым bestiарием Церетели, – она, получается, и заменяет море в Москве. Которая, как известно, является портом пяти морей. Или, может быть, семи.

Горячая вода

Экзистенциальный смысл Великого Ежегодного Отключения Горячей Воды можно сформулировать великим армейским выражением: «Чтобы жизнь медом не казалась».

Это не проiski жэка-шмэка, мэра-шмэра, нет. Отключение Горячей Воды – это проявление некой высшей силы, высшего разума, который просто предлагает столичным жителям маленькое традиционное испытание. Чтоб не коснели в неге и комфорте.

Тут каждый проявляет, на что способен. Одни – упорство: встают на час раньше и греют кастрюли; другие – стоицизм: загодя, с февраля приучают себя к ледяному душу, а голову просто бреют наголо, чтоб не мыть, так проще...

Многие, во что бы то ни стало желая перебороть судьбу, заранее узнают сроки отключения и уезжают именно на это время в отпуск – хоть в деревню, где и вовсе колодец за два километра, *но зато это не обидно!*

Или вот: записываются в бассейны и спортивные клубы, где можно невзначай и помыться. Но только кто сказал, что и в клубах горячую воду не отключают? Астрономическая цена абонеента не влияет ни на что. Да и в парикмахерских салонах, столь изысканных, что избегают даже слова «парикмахерская» в своих названиях и томно именуются «эксклюзивными салонами красоты», где простая стрижка стоит от

ста пятидесяти долларов, – и там норвят вымыть тебе голову, скудно поливая едва теплой влагой из утлого кувшинчика.

Но только народ не сдаётся. Отключение Горячей Воды является превосходным тестом на сообразительность.

В одном доме я видела гениальное изобретение: обыкновенный медный змеевик присоединяется к крану и кладется на зажженные конфорки. Вода, проходя по спирали, нагревается и в раковину льется уже теплой.

Еще вариант, несколько громоздкий, но по-своему красивый: одна энергичная девушка быстренько оформила себе статус невесты гражданина США и теперь регулярно посещает душевые при бассейне в американском посольстве.

У меня были также знакомые, которые задешево снимали комнату в старой коммунальной квартире с газовой колонкой. Утверждали, что это удобнее, чем установить у себя водонагреватель итальянский накопительного типа – сочетание слов завораживающее, а сломается эта байда через пару недель как пить дать. У всех ломаются. Заколдованные, наверное.

Бродит анекдот о персонаже, который от любовницы тайно бежит к жене – принять полноценную ванну.

На Тверском на скамейке двое хмурых организмов при мне обсуждали объявление: «Евросауна ВИП, привлекат. дев. для джент. Круглосуточ. 100проц. гарант. массаж расслаб. тайск. эротич. восстанав. Охрана. Незабыв. впеч.200

проц.»

– А что, Витек, – не без волнения сказал один, – как ду-
маешь, сауна у них реально есть?!

Из уст в уста переходит история о неких необычайно везу-
чих пожилой матери и взрослой дочери, которые живут ря-
дом, на одной улице, буквально окна в окна, но! По этой са-
мой улице проходит трамвайная линия. Конечно, шуму-то
ой-ой-ой, но! По этой самой линии идет граница двух адми-
нистративных округов, *и горячую воду в них отключают не
одновременно, а с разницей почти в две недели!* И ощущение
свежести, таким образом, не покидает счастливиц.

Многих вполне всерьез интересует вопрос, отключают ли
летом горячую воду в президентской резиденции. Склоня-
ются к тому, что – нет. А вот у премьер-министра?..

Грязь

Деревянные дома. Топка углем. Сено, солома. Молоко из-под коровки. Навоз на полях. Нечистоты на улицах средневековых городов... До самых недавних, в сущности, времен в мире абсолютно преобладала органическая химия. Сейчас – несложно заметить – настало время химии неорганической. В то же время смысловые наполнения слов «химия», «грязь», «чистота», «мусор» находятся в состоянии странной и многозначительной мутации.

Я была знакома с гринписовцем, шведом, – он носил все натуральное. Усы, бороду, шерсть, кожу, хлопок. Никакой синтетики – таков был его принцип. Коллеги по Гринпису над ним издевались.

– А ну-ка, – говорили, – снимай очки! У них дужки пластмассовые.

– Да ты понимаешь хоть, – говорили, – что в процессе производства твоих ботинок с подошвой из свиньи, черт его знает сколько рек отравили вонючими отходами. А синтетика – дело чистое...

Мне однажды пришлось жить рядом с фабрикой, где делали хлопковые ткани, – там чудовищно воняло каким-то укусом. А прошлым летом я проезжала мимо пивного завода Efes рядом с Бутовым – и с тех пор больше не пью пиво. Хотя хлопок, честно говоря, все равно ношу. Но без фанатизма –

микроволокна на самом деле лучше дышит.

Но только синтетика все равно выглядит синтетикой. Как говорила моя бабушка про эластичные колготки: «химия на тугой резиночке!»

А в утренней передаче одна актриса (амплуа «умница») рассуждала про литературу и сказала, что Уолш, Уэльбек и Пелевин – химия. Я сразу подумала: «На тугой резиночке, что ли? Или не на тугой?»

– В нашей компании принято носить одежду из натуральных волокон! – заявила моя бывшая одноклассница, ныне менеджер по персоналу московского представительства британской консалтинговой фирмы. Увидела на мне что-то лайкровое и уличила.

– Одежда из натуральных волокон выглядит гигиенично, экологично и корректно! Но это не относится к меху. Меховой одежды лучше избегать. Она выглядит неэкологично, некорректно и варварски. Да и – чуть не забыла! – негигиенично! В общем, не по-западному...

Мех – это слишком органично, да. Чем «западнее» цивилизация, тем дальше она продвинулась по пути от органики к неорганике. Крайняя точка тут, видимо, мифологема Силиконовой долины. Виртуальность – вот практически абсолютная, идеальная чистота...

Знаете что? Я ненавижу чистоту. Грязь я тоже недолюбиваю, но чистоту ненавижу. Чистоту символизируют: дезодоранты, фашизм и нейтронная бомба. Ладно, не чистоту

(давайте все-таки будем считать, что чистота – это неплохо) – стерильность. Они символизируют стерильность. Фашизм: уничтожим всех уродов. Нейтронная бомба: уничтожим всю органику. А дезодоранты. Вообще отвратительная вещь. Дезодоранты не имеют никакого отношения к чистоте, они из сферы стерильности, потому что уничтожают не грязь, а запах, то есть феромоны. То есть, в общем, жизнь.

Мир Востока все еще органичен, он воняет и одновременно благоухает: специями, ароматическими эссенциями, кальяном. Западный мир стремится к стерильности, и если благоухает, то химией. В бутике Le Form продают духи с феромонами – с молекулами секретных выделений. Западные женщины разучились привлекательно потеть. И западные мужчины тоже. Духи с феромонами страшно дорого стоят, одна моя знакомая на них разорилась, потому что наметила себе цель – в ближайшие два года выйти замуж, а для этого должен быть большой выбор мужчин. Мужчина, говорят, идет на феромон, как щука на блесну. „Она приходит на работу, и через полчаса вокруг нее вьются все офисные девушки. «Ир, а ты сегодня феромонами надушилась, да?» – «Ну, да». – «Ир, а... скажи... они у тебя с собой?» – «Нет, дома оставила». – «Ир, а можно я об тебя потрюсь?..»

Запад пытается взять у Востока все лучшее из его органики: соус карри, ароматические палочки. Простая ваниль пахнет несравнимо лучше, чем духи из флаконов с логотипами, но она преступно дешево стоит, и приходится изводить

тонны глянцевої бумаги, чтобы убедить покупать логотипы. Но главное – парадокс мусора. В бедных странах, какими по инерции считаются Юг и Восток, может быть полно грязи, всяких рыбьих голов, но мусора мало, потому что все идет в дело: дощечка, щепочка, тряпочка. Из половинок кокосовой скорлупы и морских ракушек можно сделать лифчики для туристок, из коробок – построить бунгало. Каждую крошку – в ладошку. У нас так было – при социализме. Из молочных треугольных пакетов мастерили кормушки для птиц. А уж «импортные» баночки и коробочки просто хранили дома, как ценные сувениры.

Чем богаче страна, тем больше в ней мусора – этих самых упаковок. Почему Москва сейчас задыхается от мусора и развороченных помоек? Потому что она, с одной стороны, превратилась в богатый западный город с супермаркетами, а с другой – еще как бы не поняла того факта, что чистота входит в понятие западного уровня комфорта. Как плевали на асфальт, так и плюют – в Китае-то уже нет. Новые серийные дома по-прежнему строят с мусоропроводом – этим поистине адским изобретением социализма... Но все-таки кое-кто уже покупает мешки для мусора – могло ли раньше это прийти в голову. Во вторник была в ИКЕА, купила шесть предметов, и все в отделе «Аккуратный дом». Коробки. Вещи, чтобы хранить в них другие вещи. Которые не решаюсь выкинуть.

Как все это уныло.

Дача

Лето у нас – время великого переселения вещей. Что делать вот с этими рваными джинсами? Отдать бедным – неловко, они же рваные. Выбросить – неэкологично. Да и жалко, если честно. Ведь эти штаны хранят память о твоём личном теле, столько часов обнимали твою задницу, теснее некуда, столько пережили вместе. Почти у каждой семьи имеется какая-никакая *dacha* (одно из немногих русских слов, получивших международное признание), и именно в сторону этой дачи, как перелетные птицы или стайки термитов, летом тянутся старые вещи, чтобы осесть там навсегда, занять достойное место в лучшем углу сарая или потихоньку раствориться в суглинке – как повезет. Получается, что дача – это вроде чистилища для вещей, отстойник между раем и адом.

Если в городские квартиры (а также коттеджи и загородные дома) покупаются вещи, то дачи наполнены истинными артефактами. Крайне редко что-то приезжает сюда из магазина, обычно вещи для дачи не приобретают – их сюда ссылают. Сначала выдерживают на балконе (это уже наполовину как бы не-помещение), потом этапируют за город. Последнее прибежище – дачный сарай, где десятилетиями хранятся вовсе ни с чем уже не сообразные ржавые раковины и кастрюли; но в успешном случае предмет оседает соб-

ственно в доме, и это – надолго. Подсвечник в виде рогов. Пять монгольских гипсовых масок с черепами. Пластмассовый веер с оплавленным капроновым кружевцем, драгоценная семейная фотография в рамке из фальшивой бронзы, осыпающаяся оленья шкурка, календарь за 1978 год с подмигивающей японкой, громоздкая деревянная хрень непонятного назначения – сувенир из Болгарии. Переплетенные в картон романы Ирины Грековой и Даниила Гранина из журнала «Октябрь», собрание сочинений писателя по имени Алоизий Ирасек, образцы кристаллов – кварцы и сланцы. Вымпел «Победитель Универсиады». Электрический камин с искусственными угольями: вилка на шнуре давно разболталась, но можно ведь починить...

Такие вот фарфоровые клоуны продаются в любом переходе, но именно этот клоун – он еще бабушкин. И деревянный орел «Привет с Кавказа» стоял у бабушки на комод, тем и дорог. А вот клеенку с лебедями – ее купили прошлым летом у тетки, к которой ходили за яйцами. Десятку отдали. Клеенка у нее в курятнике валялась, пришлось от помета отмывать. А вещь-то отличная, настоящий раннесоветский рыночный китч – мы понимаем.

Если интерьеры загородных домов и коттеджей – это нечто из журналов и каталогов, то шестисоточный стихийный стиль воспроизводит сам себя. Полугородской, полудеревенский, полупролетарский, полуинтеллигентский. Менее всего крестьянский, очень советский и довольно убогий, но

все-таки чем-то приятный – искренний. Поселковый.

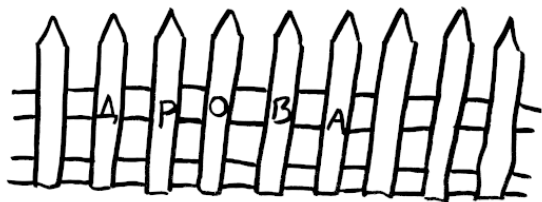
Пожив на даче хоть месяцок, кандидаты естественных наук и завкафедрами теряют свою идентичность, превращаясь в дачников – людей с поселковой психологией. Суть ее выражается народной формулой «чтобы не было стыдно». Перед кем – перед своими. Перед соседями.

Если в богатых, как их иногда до сих пор еще называют «новорусских» поселках это «перед соседями» выражается явно и зримо, иногда даже по-нуворишески грубо, то на «шестисотках» – невероятно трогательно. Аккуратный штакетник вокруг участка. Дорожки, обложенные ровными кусками рубероида. Рядом с картофельными грядками изысканные купы лилий, и по сетке-рабице, прикрывающей компостную яму, выются шпалерные розы – редкого сорта, редкой красоты. Любовно обихоженный уголок для машины – в воскресенье утром машину моют и немножко чинят, так уж заведено.

Очень приняты соседские подношения: стакан смородины, банка малосольных огурцов, кабачок.

Линию горизонта можно увидеть далеко не везде

Дачный забор-штакетник. Рядом, как правило, растут: шиповник, жасмин, желтая акация

На «шестисотках» живут необыкновенно деятельные и трудолюбивые люди. Валяться весь день в гамаке среди некошенной травы тут не получается. Даже выпивают – и то часто втихую, в сарайчике, в перерывах между пересаживанием кустов смородины. «Жить на земле и не возделывать ее – преступление».

Легких путей не ищут: упорно выращивают, например, помидоры, хотя их из год в год поражает черная гниль. Упорно дают сок из облепихи и даже пытаются самостоятельно делать облепиховое масло: «целебнейшая вещь, средство от всех болезней». Воду для питья носят из родника или колодца, фильтруют, замораживают в морозилке, потом размораживают, – чтобы на вкус была как талая. Жарят на завтрак сотни оладий – в крошечной кухоньке, на электроплитке. Консервируют по рецептам, выращивают по книжкам, грибы определяют по таблицам. «Свинушка: произрастает на опушке лиственного леса; пластинчатый; условно съедоб-

ный». Перебирают, чистят, вымачивают, вываривают, сливают семь вод. Ловят в пруду плотвиц и пускают их в банку «поплавать». Переживают, что кроты портят грядки: «Но если поставим ловушку, у ребенка будет травма».

Те, кто постарше, бессознательно имитируют деревенский уклад своего детства: где-нибудь под Серпуховом, до войны. Например, кормят своих пуделей и боксеров, как задавали корм поросенку – варят килограммами кашу, сливают воду из-под макарон. Как на убой.

Весь дачный быт вертится вокруг, во-первых, еды, а во-вторых, погоды. Под погодой имеется в виду сложная совокупность обстоятельств от (отсутствия) нужды в поливе грядок до отключения электричества на линии...

И среди всей этой созидательной, муравьиной суеты едва слышно звенят до предела натянутые струны. Потому что подростки живут на этих «шестисотках» теми же страстями, что и молодые герои Достоевского в своем Павловске, и заброшенная котельная на краю поселка – центр настоящей светской жизни. А в солнечных зайчиках, среди кабачков, тимофеевки, лопухов и бузины детишки получают запас счастья на всю последующую жизнь.

Домашние животные

Городские жители заводят домашних любимцев с тремя основными целями: 1) интерьер и экстерьер; 2) некая польза; 3) чтобы было кого любить и о ком заботиться.

Пункт № 3 оправдывает себя – хотя и очень отчасти. Пункты № 1 и 2 – почти никогда; и все об этом, в общем-то, знают. Однако страсть подселать себе под бок странных и бессловесных созданий, эта страсть сильнее всяких доводов рассудка. Объяснений такому явлению много: в основном из области того, что Фрейд называл замещением. И еще: домашние питомцы дают массу поводов для рассказывания всяких историй.

Подозреваю, что для этого их и заводят: с целью номер 4 – поговорить. Обсуждение нравов пуделей, канареек и морских свинок не рассматривается по разряду сплетен, так что все дозволено:

– Мы-то считали нашу Кешу мальчиком. И, представьте, в одно прекрасное утро обнаружили, что она снесла яйцо! Такая глупая: катает яйцо по клетке и не знает, что с ним делать. Ну, тут уж стало ясно, что говорить она никогда не научится...

Не менее пятнадцати человек в разное время порывались поведать мне подробности, касающиеся кастрации их котов. И это им удавалось – несмотря на все протесты и заверения,

что я терпеть не могу ни кошек, ни хирургии, ни особенно насчет кастрации. Подозреваю, мое отвращение даже входило в изначальный сценарий беседы и доставляло рассказчику дополнительное удовольствие... Другой тип сценария: «А вот как наш Барсик забавно себя вел, когда мы привели к невесте», – ну, это обычно еще ничего, пережить можно.

А одна молодая женщина, с которой я когда-то вместе работала, завела себе курицу. Она жила у нее в кухне, под раковиной. «Зачем тебе курица?» – все у нее спрашивали. А она отвечала: «Чтобы было с кем поговорить». Когда через пару месяцев она сообщила, что разводится с мужем, никто ни капельки не удивился.

Не собаку завела, не скворца, не попугая – безмозглую курицу... А в общем-то, здесь есть логика. Высокоорганизованные создания – они своенравны. Они могут и возразить. Курица – нет, не возражает. Может, этим и объясняется тот поразительный факт, что многие люди предпочитают всем домашним любимцам такое создание, как черепаха. Что такое черепаха – камень, в сущности, не более чем камень. Это только в книжках с картинками черепахи милые и похожи на человеческих старушек, – на самом деле черепаха представляет из себя плоский камень с когтистыми мерзкими ногами и змеиной головкой. Я знаю, о чем говорю, у меня была некая Чапа – ужас моей жизни с семи до девяти лет. Я боялась взять ее в руки. Она производила тонны, буквально тонны омерзительного навоза. Я подпихивала ее на даче под

соседский забор, три дня и три ночи кисла от ужасающего чувства вины, а потом натыкалась на эту тварь в двух шагах от нашего крыльца. Если бы не Чапа, я, уверена, выросла бы гораздо более светлым человеком.

А мой друг Дм. Волчек уверяет, что его черепаха понимает сербскохорватский язык. Якобы когда из телевизора доносится сербскохорватская речь, Манюня целеустремленно прицарапывается из своей комнаты и замирает перед экраном. А когда сюжет про Югославию заканчивается, сразу теряет интерес и уползает к себе.

(То есть свою функцию Манюня честно выполнила: создала сюжет и историю.)

У меня нет никакого pet, но мне тоже хочется рассказать какую-нибудь pet-story. Придется брать чужое. Я бы взяла игуану – две самые поразительные, каждая в своем роде, «истории из жизни домашних любимцев» связаны именно с игуанами.

Одна жила у того же Волчека, в Праге, ее звали Тотошей. Мне как-то довелось неделю быть ответственной за кормление Манюни и Тотоши, это было ужасно. Они почти совсем не ели, я только заменяла увядший салат свежим. Было неприятное опасение, что обе решили коварно помереть до приезда хозяина. Они не только не ели, не пили, но даже и не двигались. Манюня замерла под кроватью, Тотоша, почти не меняя положения, висела на жалюзи.

Потом уже выяснилось, что игуане клинически не хватало

солнечного света. На почве соляного голодания у несчастной Тотоши развился рахит и жуткий остеопороз, она в одночасье переломала себе все лапы, сколько их там у игуан. Лошадей в таких случаях пристреливают, а Тотоше в ветеринарной клинике наложили гипс и подвесили ее на растяжках. Она, видимо, ужасно страдала, была злая как собака. Подлечив, ее решили продать.

Еще из моих знакомых владелицей игуаны была Линор Горалик. У ее игуаны с солнцем было все неплохо, она жила в Израиле. Но у ее хозяйки было плохо с деньгами, и она кормила свою игуану не фруктами, а всяким отстоем вроде помидоров, причем не лучшего качества. Игуана умерла. В зоомагазине по этому поводу сказали: «Ничего удивительного. Мы так и подумали сразу, что она у вас умрет: она же у вас была первая. Первые игуаны всегда умирают».

Закон довольно универсальный: в каждом деле бывает своя «первая игуана». Я свои неудачные попытки теперь только так и называю.

Вот она, функция домашних животных № 5 – они жертвы. Пробные экземпляры. Подопытные кролики для человеческих привязанностей, чувств и претензий. И ведь от них требуют еще знаете чего – благодарности и ответной нежности. Уверены, что они на это способны и обязаны дать. И морские, мол, свинки любить умеют...

Досуг

Одно из тех слов, в которые я долго не верила. Думала, что это что-то вроде канцелярского термина, которым в обычной жизни нет места. «На досуге» – понятно, но просто «досуг» произнести невозможно. «Как вы предпочитаете проводить свой досуг?» Это все равно что назвать человека, которому звонишь по телефону, «абонентом», а мужа «супругом».

В детстве у нас вообще много языковых иллюзий: слово «осязание», я считала, означает примерно то же, что «зрение», но более, что ли, научно. На контрольной по биологии классе в седьмом или пятом я написала, что у жука- плавунца глаза являются органом осязания. Учитель был потрясен: «Как ты себе это представляешь: жук глазами дно ощупывает, что ли?» На самом деле мне примнился коварный подвох в самом вопросе: написать, что «глаза – орган зрения»? Как-то слишком просто.

Из этих же соображений, как я позже поняла, некоторые люди выговаривают «супруг» и «супруга» вместо нормальных «муж» и «жена» – для солидности. Вроде как деликатно оттопыривают мизинчик, угощаясь из непривычно тонкого кофейного фарфора. «Простореч.», приговаривает справочник русского языка (за искл. случаев, когда речь не идет об официальном упоминании спутника жизни какого-либо чрезвычайно высокопоставленного лица, вроде ан-

глийской королевы). Ловушка снобизма. А под грифом «досуг» в какой-то момент поселились рекламные объявления вроде «очаровательные блондинки для солидных господ» и «горячие парни для одиночек и супружеских пар; недорого». Опять-таки, досужий ум, досужие вымыслы. «Досужими людьми» моя легендарная свекровь, урожденная Волюнкина, ругает личностей не столько праздных, сколько навязчиво любопытствующих. Кто пристаёт к ней с неправильными вопросами, на которые не хочется отвечать; правильные – о давлении, перспективах погоды и здоровье собаки.

Она права: в «досужести» присутствует огромная доля любопытства. Именно любопытство заставляет нас проводить драгоценные часы досуга (я потихоньку привыкаю к этому суконному слову) – странным, дурацким образом. Ночи напролет шнырять по Интернету, читать чужие, совершенно неинтересные, в сущности, дневники. Вступать в вербальные контакты с таксистами и особенно частниками. Или вот: все мои подруги, которые живут в районе Чистых прудов, ходят красить ногти в один маленький и довольно грязноватый салон – а почему? А потому что в таких салонах, в отличие от дорогих и с претензиями, сотрудники не стесняются громко обсуждать свои дела, беседовать друг с другом. Обычно это невыносимо, но именно в этой парикмахерской развивается изумительная интрига: одна из маникюрш является неофитом церкви адвентистов седьмого дня, она уже практически обратила в свою веру девушку, которая си-

дит на телефоне, и теперь они вдвоем ведут теологические и миссионерские беседы с другими парикмахершами, еще не обращенными, примерно в таком духе: «Думаешь, вот умри ты завтра – воскреснешь и тебе будет сороковник? Нет, ничего подобного. Тридцать лет. Ни морщин этих не будет, ни синяков под глазами, ничего. И почка болеть не будет, и спина. Если ты, конечно, праведник...» Дьякону Кураеву надо бы ходить в эту парикмахерскую, если его, конечно, примут: у них очень плотная запись. А один мой приятель – он прирастился проводить досуг в бане, в общем мужском отделении. Баня примерно той же ценовой категории, что парикмахерская на Чистых прудах, и расположена она где-то за Зацепой, в заводском районе. По субботам в девять утра приходят завсегдатаи, пожилые рабочие. Сидят, молча пьют квас. Потом кто-то решительно ставит кружку: «Сегодня я буду поддавать!» Через некоторое время объявляет: «Мужики, мята!» Все тогда выстраиваются в очередь быстренько, чтобы не выпустить пар, заходят в парилку. В парилке отчаянно пахнет ментолом. Все одобрительно хлопают поддающему, скрючиваются на полках, дышат. Сидеть принято на венике, на полотенце – несолидно. Надышавшись, выходят, отдыхают, пьют квас. Через некоторое время: «Мужики, полынь!» Опять выстраиваются цепочкой, опять аплодируют, дышат теперь полынью. Отдыхают, некоторые уже с пивом. Затем: «Мужики, хрен!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.